

СМЕРТЬ АСПИРАНТА

Ренат Беккин

Он умер, как и полагается настоящему аспиранту, – на следующий день после защиты. Выпил чаю, выкурил сигарету, успел даже вымыть накопившуюся за три дня посуду и дотянуться до загаженного первокурсниками сортира. В коридоре на обратном пути из отхожего места встретил коменданта общежития, который, осведомленно улыбаясь, поинтересовался, как прошла защита. Пожал ему руку, вернулся в комнату, включил телек... и очень быстро перестал быть. Телек пережил его на целые сутки.

Того, что выдалось на его долю вчера, он ждал почти пять лет. Практически с того момента, когда в начале нового века с грязно-синим дипломом в немых руках он сел за полюбившийся мухам стол и задумался. До этого дня он если и размышлял о работе, то делал это тихо, незаметно для себя самого, чтобы не вызвать в своей падкой на эмоции душе бури переживаний по поводу грядущих изменений в беспечной, казавшейся длиннее вечности студенческой жизни.

Накануне сдал студень. Сначала хотел «потерять» – оставить на память. Не повели. Не позволили: «Знаем мы вас: как заканчивать – так половина теряет студенческие. Поищи хорошенько, – может, найдешь!» Поискал. В кармане. Внутреннем. Нашел. Отдал, как последний рубль. А взамен получил синий диплом с неправильными отметками. Махнул не глядя.

И вот теперь вместо того, чтобы, обожравшись счастьем, порхать, бегать, ползти навстречу открывавшимся со всех сторон горизонтам, он сидел за столом и с грустью тарачился то на диплом, то на мушиное дерьмо. Неужели все? Все закончилось так быстро, что он не успел даже почувствовать, увидеть, понять переход из одной формы человеческого бытия – студенчества – в другую – взрослую жизнь. Для него это было сложнее, чем Монголии перепрыгнуть из феодализма в социализм. Монголов по крайней мере было много, а он, грешный, один.

Пяти лет студенчества оказалось предательски мало. Вот учатся же медики семь или... сколько там... лет. Надо было на врача идти, там и девочки клевые в белых халатиках запахнутых, а под ними иногда – ничего!

Но не сейчас же ему на медицинский, в самом деле, поступать! Раньше надо было думать – туда просто так, «на дурачка», не попадешь. Это не родной Институт международного права и политики (сокращенно: ИМПП). Тут готовиться надо. Или снова в своем институте идти на первый курс? А что... Было бы прикольно начать все с нуля, с «табулы расы». Лет пяточек с плеч долой...

Однако, проблема. В своем институте его знала каждая собака, начальник курса уже два года с ним не здоровался, старушки-гардеробщицы за глаза именовали

воючим быдлом, а преподаватель бенгальского после госэкзамена даже дал ему пощечину. Поэтому двери института, который он только что бесславно окончил, были открыты для него лишь на платной основе. Идти же в другой вуз не было ни сил, ни желания: приемная комиссия, медкомиссия, мандатная комиссия... Бюрократия! Надо придумать что-то приемлемое. Вчера встретил в институте очкарика Лapidуса – поступает в аспирантуру. Стал расспрашивать его, что да как, но тот ничего конкретного не сказал. Направил в отдел аспирантуры.

Разыскал. Простоял как дурак полчаса, но никто не пришел. На двери обнаружил список документов, которые необходимы для поступления.

На следующий день чудом застал начальницу аспирантуры Раису Яковлевну. С издевкой спросила, на какую кафедру собирается поступать. Задумался. Куда? Какие там у нас кафедры? Международного права? Нет уж, мерси!

Что еще? Можно подумать? Думать, но не затягивать. И на том спасибо. Когда можно зайти? После разговора с завкафедрой? Какой кафедры? Решать самому?

Два дня пил пиво и выдумывал, какую кафедру предпочесть. А было их всего шесть: международного, конституционного права, уголовного, административного, предпринимательского и европейского, которую в институте в шутку называли кафедрой еврейского права, поскольку там работали одни престарелые сыны Израиля. Кафедра прав ребенка – не в счет. Да и не кафедра это вовсе.

Международное право, по известным ему одному причинам, выпадало сразу. Другие – по мере того, как проходили беседы с их заведующими. Везде был один и тот же разговор.

– Ну, где же вы раньше были?.. Хорошо, какая у вас тема?.. Извините, но эта проблематика нам не очень интересна. У нас другой профиль... Вам лучше к Ивану Ивановичу на кафедру...

Иван Иванович как раз и возглавлял ту самую странную кафедру прав ребенка, на которой не то что аспирантов – преподавателей не было. Кроме, конечно же, самого Ивана Ивановича, за которым был записан один курс по правам ребенка, но фактически он его не вел, поскольку большую часть времени проводил в командировках. Преимущественно – зарубежных. Поэтому если кто-то в институте говорил «послать к Ивану Ивановичу», это означало отправить человека в никуда, куда Макар телят не гонял.

Сам Иван Иванович, подобно известному римскому божеству, обладал всего двумя состояниями: он либо был в командировке, либо находился в процессе подготовки к ней. В первом случае, по рассказам немногочисленных счастливых свидетелей, он пребывал в расслабленном и благодушном состоянии, во втором же – сильно нервничал и в случае чего мог даже накричать. Дурным непереносимым голосом.

Когда в дверь кафедры постучали, Иван Иванович как раз пребывал во втором своем состоянии. Часто перебирая конечностями, он суетливо передвигался по кафедре, визжал на секретаршу и заливался сатанинским смехом, когда ему звонило на мобильный начальство. Черный в полоску костюм делал сорокалетнего, не успевшего еще полысеть и поседеть заведующего кафедрой несколько стройнее.

Увидев неизвестного ему человека с виноватой физиономией, он уже собирался выпроводить его за дверь, как вдруг услышал ключевые слова: «аспирантура... дис-

сертация». Выражение лица Ивана Ивановича переменялось. Во время одной из зарубежных поездок, на одной из конференций, слушая одного заслуженного ученого, Иван Иванович подумал: «А не сделать ли мне диссер?.. Столько материала зря пропадает!» (Иван Иванович то ли из страха, то ли из уважения, то ли по какой-то другой причине никогда не произносил слово «диссертация» полностью).

Вот только проблема: Иван Иванович с трудом мог формулировать свои мысли, тем более на бумаге. Что оставалось делать? Нанять какого-нибудь студентика как в прошлый раз, с кандидатской? Но кандидатская – не докторская, здесь мыслить надобно. Студенту такая работка не по зубкам. Вот аспиранту – может быть. И Иван Иванович стал осторожно приглядываться к обретавшимся на факультете аспирантам. Зайдет, бывало, на другую кафедру – вроде как чаю с сухарями попить, с коллегами новости обсудить, а заодно и выведать про аспирантов.

Дело было щекотливое. Иван Иванович по вполне понятным причинам боялся огласки как в пределах института, так и вне его. Но уж очень хотелось ему стать доктором наук. Не важно каких, но лучше – юридических. Этого хотела его покойная бабка. Иван Иванович хорошо помнил, как Настасья Федотовна (так звали бабушку), уже будучи в агонии на смертном одре, больно до синяков цапнула его за руку и прокричала: «Будь доктором, Володька!» – после чего с кривой усмешкой испустила дух.

Иван Иванович не понял, почему в такой ответственный момент бабка думала о столь приземленных вещах, но в память о покойной и в целях повышения своего социального статуса решил при первом удобном случае стать доктором. То, что завет был адресован какому-то Володьке, в расчет не принималось: в таком состоянии можно и оговориться...

Иван Иванович внимательно посмотрел на аспиранта, почему-то хлюпавшего носом. Грязные черные волосы, большие карие, с красными прожилками на склере глаза, легкая небритость, худое, нескладное, по-видимому не имевшее особого успеха у женщин тело в дешевой, давно нестираной толстовке, брюки без стрелок, – судя по всему, дежурные, – ботинки на выброс – запывившиеся, со шнурками без металлических наконечников.

«Пожалуй, этот может подойти. Судя по всему, ему очень хочется в аспирантуру и у него совсем нет денег», – решил Иван Иванович, а вслух сказал: «А что, голубчик, публикации у вас имеются?» (Иван Иванович всех, кто был ниже его на социальной лестнице, именовал голубчиками).

– Есть, то есть... Я хотел сказать, что они в печати, – засуетился кандидат в кандидаты наук. Это очкарик Лapidус, не видевший в нем конкурента, надоумил его отвечать подобным образом на вопрос о публикациях.

– Сколько статей? Или, может быть, монографий? – осторожно, но с умыслом пошутил Иван Иванович.

– Одна статья, но я сейчас заканчиваю другую, – невинно соврал аспирант.

– На какую тему? – как бы поверил Иван Иванович.

– По правам ребенка...

– Права ребенка... Неплохо. Это наш профиль, – произнес заветную фразу Иван Иванович, но, вспомнив, что ему через час ехать в аэропорт, вновь заметался по кафедре, – круглый, со вздувшимися, как у возбужденного геккона, овальными щеками.

– Знаете, что, голубчик, вот вам моя визитка. Позвоните через неделю – я сейчас улетаю на Игуасу. Я буду иметь вас в своих планах... да, и для убедительности, так сказать, пришлите мне на электронную почту свою статью. Посмотрю, на что вы способны.

В тот же вечер на почту Ивану Ивановичу пришла статья, по всем законам жанра похищенная из Интернета и в некотором смысле творчески переработанная. Еще через неделю Иван Иванович приказал секретарше распечатать ее, но так как у него совсем не было времени, а на носу была командировка в Нью-Йорк, он успел осилить только название статьи и первые две строчки.

Так у Ивана Ивановича появился первый аспирант...

Иван Иванович был деловой человек. Если кто-то обращался к нему с просьбой или, упаси Боже, мольбой о помощи, он неизменно задавал свой любимый вопрос: «А каков мой интерес?» В случае с новым аспирантом Иван Иванович ни в коем случае не хотел отходить от своего золотого правила. Несмотря на плотный график, он вызвал к себе своего первого ученика.

Если бы кто-то, кто был мало знаком с Иваном Ивановичем, увидел его в тот момент, он решил бы, что перед ним совершенно другой человек. Этот вечно спешащий куда-то истеричный хам предстал перед аспирантом в образе обходительного джентльмена, гостеприимного хозяина и старого приятеля одновременно. Он любезно попросил секретаршу приготовить чаю, после чего закрылся со своим аспирантом в кабинете и попросил никого к нему не пускать. Даже наглого низкорослого студента-якута из Белгорода.

– Еще раз поздравляю вас с зачислением в аспирантуру, – Иван Иванович привстал и крепко пожал руку гостя, всей своей презентабельной наружностью указывая, что если бы не он, то не видать аспиранту аспирантуры как...

– Но меня еще не зачислили...

– Это нюансы, формальности, – с видом хозяина прокомментировал Иван Иванович.

Пауза. Иван Иванович ждал, когда аспирант отхлебнет чаю, привезенного специально из Китая для особых случаев.

– Кстати, хотите вина?

К радости Ивана Ивановича, аспирант немного испугался, но согласился.

– Когда планируете начать работать над диссертацией? – пошел в атаку Иван Иванович после того, как аспирант сделал глоток.

– Так мы же еще тему не согласовали...

– Ах, да... Так какая там у вас тема? – Иван Иванович вдруг закопошился в лежавших у него на столе бумагах.

– Я хотел бы писать о правах ребенка.

– Ну, знаете ли, права ребенка – это слишком широко, – Иван Иванович оторвался от бумаг, мечтательно приоткрыл рот и воткнул палец в ухо.

– Понимаю. Может быть, вы мне что-то посоветуете?

Иван Иванович обалдел от счастья, но ради профформы пожурил аспиранта.

– Нельзя так, голубчик! Это вам не студенческие годы. Аспирантура требует серьезной и самостоятельной, подчеркиваю, самостоятельной, работы! Вам же предстоит писать свою работу, а не мне, слава Богу. Вам и формулировать тему. Я же не знаю, что вам интересно. Я знаю, что интересно мне, – после последней своей фразы Иван Иванович вдруг замолчал, справедливо решив, что несколько увлекся.

– Может быть, я выберу права ребенка в России, – произнес аспирант, выдрессированный Лapidусом и немного осмелевший после выпитого вина.

– Права ребенка в России? Права ребенка – это, голубчик, банально. Столько уже по этой теме написано... Вам и не снилось, наверное. Не думаю, что вы сможете сказать что-то новое по этой теме.

– А что, по-вашему, сейчас актуально?

– Ну, есть много интересных тем, – посмотрел в потолок Иван Иванович, словно там у него были намалеваны эти самые темы. – Например, права ребенка по мусульманскому праву.

Заметив, как перепугался его аспирант, Иван Иванович захохотал, как будто ему в тот момент позвонило по мобильному начальство или, в крайнем случае, попался на глаза наглый низкорослый студент из Белгорода.

– Не так страшен черт, как его малютка, – как говорят в народе. Не боги горшки обжигают! Вы меня спросили об актуальной теме – я вам ответил. Я тоже занимаюсь ею и смогу вам, так сказать, оказать посильную помощь.

Иван Иванович соврал. Темой этой он никогда не занимался и имел о ней такое же представление, какое имеет новорожденный огородный крот об океанском прибое. На одной конференции, проходившей за рубежом, американский коллега сообщил ему, что данная тема представляет интерес на Западе и под нее легко можно получить грант, да не один! К тому же в этой проблематике мало кто смыслит, и если будут допущены какие-то ошибки, члены диссертационного совета могут их просто не заметить.

Так была сформулирована первая тема первой на кафедре диссертации...

А дальше было то, что обычно происходит с теми несчастными аспирантами, чьи научные руководители зачем-то пишут докторскую диссертацию. В перерывах между командировками Иван Иванович вызывал своего аспиранта и требовал от него отчета в делах. Чай, а тем более вино больше не предлагались. Аспирант приносил какие-то кусочки, мелкие бусинки текста, Иван Иванович просматривал их вполглаза и всякий раз недовольно спрашивал: «Что это? Где же структура? Так, голубчик, нельзя». Аспирант смущенно, стараясь не быть заподозренным в черной неблагодарности и, упаси Бог, в черном плагиате, вяло оправдывался.

Прошло три года. За это время разрозненные, стащенные из Интернета и отсканированные из книг отрывки текста и кусочки мыслей слиплись с помощью аспирантского пота в один большой трехсотстраничный текст, который с блеском проскочил совет и получил одни белые шары. Мечта Настасьи Федотовны сбылась, и Иван Иванович стал доктором. За себя, Володьку и за своего скромного, оказавшегося на удивление трудолюбивым аспиранта.

На следующий день Иван Иванович, не успев протрезветь, уже дремал в самолете на пути в милый его сердцу Амстердам на очередную конференцию по правам ребенка. В кармане его, плотно прижавшись друг к другу, покоились свежие визитки с надписью:

«Ivan I. Bazhbanov,
Chief of Children's Rights Department,
Doctor of Science (in Law)
Doktor Yuridicheskikh Nauk»

Напрасно неделю спустя аспирант целый день кружил в ожидании его вокруг кафедры, как дервиш из ордена Мевлеви перед иностранными туристами. Только под вечер ему сообщили, что его шеф простудился в дороге и, возможно, появится только завтра. Послезавтра же он должен был лететь в Иерусалим – участвовать в Форуме по диалогу культур.

Весь следующий день аспирант провел подле кафедры, опасаясь лишней раз отлучиться по нужде. Около пяти вечера на пороге кафедры появился загорелый Иван Иванович в белом плаще. Нервно пожав руку, дунул в лицо запахом незнакомой жвачки: «Привет! Как дела?» – и, не дождавшись ответа, побежал в свой кабинет.

У аспиранта задрожали губы.

– Иван Иванович, – закричал он вслед удалявшемуся доктору наук.

– Не сейчас, – махнул рукой доктор, – я буквально на пять минут. Завтра командировка! Разумеешь? Приходи через неделю, приноси, что ты там накатал.

Слово «накатал», без умысла брошенное Иваном Ивановичем, больно и стремительно ворвалось в оба немых аспирантских уха. Теперь, после всего, что он сделал для своего шефа, говорить о его работе слово «накатал» показалось ему верхом бесстыдства. Только сейчас он вдруг со всей безысходностью осознал, что написал докторскую диссертацию, но не для себя, а для человека, который грубо воспользовался его трудом и которому теперь не было до него никакого дела. Все эти мысли вдруг закрутились в голове аспиранта, но вместо всего этого он лишь пролепетал что-то типа: «Да как же это? Да я же...» Вид его в тот момент был до безобразия жалок. Нижняя губа дрожала, как у оскорбленного злыми пионерами старика. Воспаленные глаза готовы были залиться слезами, но появление в коридоре наглого низкорослого студента из Белгорода заставило аспиранта молниеносно смахнуть пробившиеся слезинки и быстро зашагать по направлению к выходу из института.

«Нет, к черту диссертацию! Пошел он! Пусть только попросит меня о чем-нибудь», – выбежав на улицу, аспирант говорил об этом вполголоса, словно боялся, что его кто-то услышит, где-то глубоко в душе уже не надеясь, что кому-то нужно подслушивать его, а тем более просить о чем-то.

Несколько раз, словно не веря данному самому себе слову, аспирант вслух поклялся бросить все и никогда больше не заниматься этой проклятой диссертацией, но к концу недели, раздобрев от выпитого пива, он понял, что ему чего-то не хватает. Пытался смотреть телек, читать газеты, но ощущение гармонии отчего-то не приходило, – то радостное ощущение завершенности, когда перед ним лежал готовый текст, когда к нему обращались за советом.

За три года воодушевленной работы над диссертацией своего шефа он стал едва ли не лучшим в институте специалистом по мусульманскому праву. Даже местные институтские кавказцы, смуглыми темпераментными кучками прописавшиеся на «центре» – месте тусовок продвинутой молодежи института, – стали обращаться к нему за советом по вопросам шариаата.

Накануне встречи с Иваном Ивановичем он смастерил из докторской своего шефа недурственный текстишко, о котором на пятом курсе и мечтать не смел. Утром тщательно вымыл шею и надел чистую, подаренную матерью на 23 февраля рубашку.

В десять на кафедре восседала чем-то недовольная секретарша с маленькими уси-

ками под большими носорожьими ноздрями, надушенная какими-то подозрительно знакомыми духами.

– Еще немного, и меня перестанут сюда пускать, – догадался аспирант.

К двенадцати обещал быть? Ну-ну. Сидя по-студенчески на батарее в коридоре, еще раз впитал в себя черновик диссертации. Он уже почти выучил его наизусть. Сходил за едой. Потом позвонила Наташка Петрова.

– Встретиться вечером?.. Можно попробовать... Я тоже... Конечно... А как же!.. Со звонимся... Обязательно... Пока...

12.10. На кафедре никого. Кроме секретарши. Но она не в счет. Помаячил, помозоллил глаза, и усатая призналась, что Иван Иванович только что звонил и обрадовал, что сегодня не придет.

– Да вы что! А можно ему куда-нибудь позвонить? Это очень, очень срочно. Пожалуйста, я вас умоляю!

– Иван Иванович, здравствуйте, это ваш аспирант. Моя фамилия ...

– У тебя что-то срочное? – почему-то перешел на «ты» шеф. – Я сейчас занят. Приходи завтра!

– Я хотел сказать, что у меня все готово. Может, я оставлю вам текст на вах... тьфу, на кафедре, у секретарши.

– Не секретарши, а секретаря, – жестко вмешалась секретарша.

– Простите у секретар... я, – исправился аспирант.

– Какой текст? – с опаской спросил Иван Иванович.

– Текст?.. Диссертации.

– Какой диссертации?! – окончательно перепугался Иван Иванович.

– Моей...

– Ах, вашей! – с переходом на «вы» выдохнул Иван Иванович. – Куда вы спешите, голубчик? У вас еще вся жизнь впереди. Вот встретимся на кафедре и поговорим.

– Когда?

– Ловите меня...

Конец связи.

По взгляду секретарши, которая оказалась вовсе не секретаршей, а секретарем (не зря ему эти усы сразу не понравились!), он понял, что ловить своего шефа ему придется отныне вне стен кафедры. Благо, номер мобильного успел запомнить.

Но это не помогло. Сколько ни звонил он неуловимому Ивану Ивановичу, его телефон либо не отвечал, либо из него доносилось грубое «да», после которого говорить о диссертации как-то уже не хотелось.

Прошел месяц. Студенты уже успели сдать сессию и получить в профсоюзе халявные путевки в дома и на базы отдыха, а Иван Иванович так и не прочитал диссертацию. В последний день перед началом каникул он сжалился и, вызвав к себе аспиранта, задал вопрос: «Ну, что у вас там, голубчик?» Голубчик представил текст.

– Впереди у нас два месяца, я неспеша почитаю, а в сентябре, даст Бог, встретимся и поговорим. О'кей?

Придя на кафедру 1 сентября, отдохнувший, с остатками загара на и без того смуглом лице аспирант узнал, что Иван Иванович в командировке и вернется через полторы недели. Секретарша, радикально поправившаяся, показала ему добрее обычного.

Веселым и добрым показался ему и Иван Иванович, пробежавший полторы недели спустя мимо него в белом плаще и шляпе, с коричневым кожаным портфелем в руках.

– Иван Иванович!

– Привет! Как дела?

– Я к вам...

– Что у тебя?

– По поводу диссертации...

– Какой еще диссертации?! – уже не в первый раз на полном серьезе перепугался Иван Иванович.

– Моей...

– Ах, да... Приноси, что написал, я посмотрю. Но не сейчас... Я только что вернулся. У нас юбилей ректора на носу. Готовиться надо. Разумеешь?

– Так я же вам перед каникулами... перед самыми каникулами отдал! – с надрывом крикнул аспирант.

Иван Иванович всерьез призадумался.

– Слушай, у меня летом на даче пожар был. Наверное, твоя диссертация вместе с другими моими бумагами сгорела. У тебя черновик хоть остался? – без энтузиазма спросил Иван Иванович.

У аспиранта, не склонного к сентиментальности, после такого вопроса выступило на глазах нечто влажное, напоминавшее слезы. И не потому, что у него не было черновика...

Неделю он пил пиво и валялся, как искалеченный вепрь, в общаге. Ближе к выходным позвал Наташку Петрову и откувыркался с ней так, что та еле ноги унесла и больше никогда не звонила.

В понедельник, окончательно раздавленный, он, проклиная себя за малодушие, набрал номер Ивана Ивановича. Тот был очень недоволен, крикнул, что он сейчас в Нью-Йорке и отключил трубку.

Пришлось ползти на кафедру на поклон к усатой носорожице-секретарше. Она сообщила нерадостную новость: Иван Иванович должен был прилететь только через неделю. Несколько раз улыбнувшись секретарше и презентовав ей коробку конфет «Коркунов», аспирант получил разрешение оставить на кафедре для Ивана Ивановича экземпляр диссертации.

Когда же к нему теперь обратиться? Через неделю? Значит, он приезжает числа восемнадцатого. В институт он придет числа девятнадцатого. Работу посмотрит... За сколько же он посмотрит работу? Как минимум месяц. Лapidус, уже успевший к тому времени защититься, советовал ему не дергать по мелочам своего шефа, предупредив шепотом: «ОНИ этого не любят!»

Аспирант решил отпустить своему руководителю на все про все месяц с небольшим. До середины октября, а потом напомнить, что у него кончается аспирантура и его могут выгнать из общежития.

Все это время он лежал на кровати в общаге, смотрел телек, пил пиво и иногда читал книжки. Примерно в середине октября у него случилось отравление: сожрал шаурму на Киевском вокзале, пока встречал родственников. Родственники приехали

очень кстати: дня четыре он валялся в беспамятстве. Не было сил доползти до туалета. Ведро, из которого он по большим праздникам мыл пол, очень пригодились.

Когда он пришел в себя, первое, что сделал, – позвонил шефу.

– Иван Иванович?

– Кто это?

– Это ваш аспирант. Я оставлял вам диссертацию на кафедре...

– Какую диссертацию?!

– Мою, по мусульманскому праву...

– Ах, да! Я получил, но пока не читал. У меня сейчас с глазами проблема. Собираюсь операцию делать. Позвони или заходи через пару месяцев.

– Но... Иван Иванович, у меня же срок в аспирантуре заканчивается.

– Когда?

– Через месяц.

– Ничего страшного. Совет все равно примет твою диссертацию к рассмотрению.

Не переживай.

– Но меня из общежития могут выгнать!

– Кто?

– Администрация общежития...

– А ты в общежитии живешь? Хорошо, я подумаю. Ладно, давай, заходи, если будешь в институте...

Дней через пять аспирант после некоторых сомнений явился на кафедру. Перед тем как войти, предупредительно постучал. Затем осторожно просунул в дверь. Первое, что он увидел, была мощная крестьянская спина Ивана Ивановича, произносившего какую-то речь. За столом, на котором обычно безо всякого порядка валялись никого не интересовавшие издания по правам ребенка, сидели гости. Много гостей. Много еды. Все веселы. Смеются. Никто не заметил, как он вошел. Кроме Ивана Ивановича.

– Привет, ты ко мне? – догадался Иван Иванович и с бокалом в руке быстро зашагал навстречу нежданному гостю.

– Да...

– Слушай, я пока не читал. С глазами какая-то фигня. Я думаю, через месяц все будет нормально.

– Иван Иванович, а вы говорили, что можно будет насчет общежития вопрос решить...

– Какого общежития?

– Ну, моего. У меня скоро срок аспирантуры заканчивается.

– Ах, да! Я узнавал. Мне сказали, что в этом году еще даже не всех студентов расселили. Так что извини...

Вместо того чтобы удалиться, аспирант продолжал стоять.

– А у вас сегодня день рождения? – не зная, что еще спросить, поинтересовался аспирант.

– Лучше, гораздо лучше, голубчик! – оживился Иван Иванович. – Сегодня мне из ВАКа прислали докторский диплом. Вот обмываем. Так что это в каком-то смысле наш с тобой праздник. Разумеешь? Кстати, хочешь выпить? Сейчас я тебе налью...

– Нет, нет, спасибо. Я лучше потом, за свой диплом выпью, – сказал аспирант и, не попрощавшись, покинул кафедру.

– Завидует, неудачник, – подумал Иван Иванович и, слегка поморщившись, осушил бокал...

* * *

Стараясь не подглядывать в бумажку, аспирант, который отныне именовался всеми окружающими диссертантом, начал свое выступление. Однако никто из сидевших за столом до безобразия пожилых людей не слушал его. Один болезненного вида профессор уже минут десять монотонно, не выдавая эмоций, высасывал содержимое шоколадной конфеты, двое других ели фрукты и периодически громко ржали, как употребившие пиво ПТУ-шницы, еще один, терзаемый изжогой, упрямо глотал минералку и напряженно глядел в окно. Пожилая женщина демонстративно чистила ногти зубочисткой, которой до этого взяла со стоявшего перед ней подноса сочную сливу и уронила ее под стол. Всего же их, таких профессоров, было пятнадцать штук.

Весенняя, почти летняя погода расслабляла. Диссертант говорил тихо, но уверенно, местами даже весело, как ему самому потом казалось. Как будто не было вышвырнутых в мусорную корзину пяти лет жизни, изнуряющего ожидания, глупых вопросов, унижительных шуток. Он говорил так, как будто все, что он делал последние пять лет, не только не расходилось с его планами, а, напротив, превзошло все его скромные ожидания.

Глядя на него, сложно было предположить, что всего три месяца назад в надетой наизнанку грязной футболке он лежал пьяный на полу и громко рыдал. Этот маленький, без больших амбиций человек, которого трудно было обидеть, валялся на полу и выл, как ребенок, чьими правами он безуспешно занимался вот уже почти пять лет.

Все необходимые приготовления к защите он делал четко и спокойно, не испытывая при этом ни энтузиазма, ни гордости, ни тем более радости. Накануне защиты он хорошо поел и лег пораньше, чтобы на следующий день лучше соображать и сохранять уверенность. Он даже не сообщил родителям о защите. Вычищенный костюм с отутюженными им самим брюками ждал наступления утра на вешалке...

Защита была назначена на час дня. Встал он в пол-одиннадцатого. Поел, как обычно, пельменей. Выпил чаю с сухарями. По дороге в институт купил цветы для секретарши совета. Приехал за час до защиты: добрый, вежливый, спокойный.

В коридоре встретил вечно пьяного профессора Шайтанова. Однако в этот раз ему показалось, что Шайтанов был пьян больше обычного. Всегда дружелюбный и приветливый, он, нос к носу столкнувшись в коридоре с аспирантом, даже не поздоровался с ним.

– Странно, – подумал аспирант. – Может, у него что-то болит?

До последнего мгновения он боялся, что не наберется кворум. Каждый вяло вplyвавший в зал ученый вызывал у него радость. Один, два, три... Нужно было шестнадцать, включая тех, что числились в явочных листах. Шайтанов с красной мордой. Четыре. Не помню, как зовут этого деда... Пять. Вот еще двое. Шесть, семь. Супер!..

Итого набралось пятнадцать, а с явочным листом семнадцать, то есть на одного больше, чем нужно. В их числе требуемые два доктора наук по его специальности. Теперь дело за малым – защититься.

Отсутствие на защите научного руководителя больше не пугало его. Когда Иван Иванович сообщил ему несколько дней назад, что не сможет присутствовать на защите из-за предстоящей важной командировки, аспирант поначалу не поверил своим нематым ушам.

– Как же это... Вы... – беспомощно залепетал он.

– К сожалению, я не могу перенести свою поездку. Это очень важно, ректор не смог поехать и попросил меня. Но ты не беспокойся, я узнал: мое присутствие не обязательно.

– Но я...

– Не волнуйся. Я поговорю насчет тебя. Ты только это... подготовься нормально. Банкет организуй как следует. Разумеешь?

Иван Иванович легонько потрепал аспиранта по плечу, пожелал ни пуха и удалился с мыслью о командировке. А аспирант пошел писать бумажки для защиты.

– Может, это и к лучшему, – подумал аспирант. – В самом деле, какой от него толк? Он же ни хрена не знает – только усугубит...

То, что его выступление никто не слушал, сначала его пугало, а потом даже обрадовало. Появилась какая-то уверенность. Раз не слушают – значит, и спрашивать не особо будут. Судя по их поведению, большинство впервые видит саму диссертацию и автореферат.

Закончив свое сдержанное, но уверенное выступление, аспирант, который, напоминаем, звался теперь диссертантом, сел за отведенный ему маленький столик за спиной председателя диссертационного совета. В тот же момент вся масса этих безразличных пожилых людей неожиданно пришла в движение и накидала ему пару десятков вопросов, большинство из которых не имело даже косвенного отношения к его диссертации.

Но порядок есть порядок, и диссертанту ничего не оставалось, как терпеливо отвечать на все, о чем его спрашивали. Председатель совета – невозмутимый, с благородным каменным лицом старик-ветеран уже поглядывал на часы, намереваясь прекратить часть заседания, посвященную вопросам, как вдруг слова попросил профессор Шайтанов. Во время выступления аспиранта он держал в руках один из двух предоставленных в распоряжение членов совета текстов диссертации и что-то периодически подчеркивал карандашом. Затем подобной же участи подвергся автореферат.

Диссертант не мог не заметить этого, но прежние его отношения с Шайтановым, который был одним из немногих, кто по-человечески относился к нему во время учебы, заставляли его быть спокойным на счет пьяного профессора. Перебрал старик – вот и развил активность на пустом месте.

– С любопытством только что прочитал автореферат, который вы почему-то мне не отослали (пусть это останется на вашей совести!), и пролистал диссертацию. И у меня возникли некоторые соображения. Вот вы тут на странице... семь диссертации утверждаете, что мусульманское право достаточно подробно регулирует права ребенка и потому вполне может быть использовано для регулирования прав детей и их защиты не только в мусульманских, но и других странах. Что вы хотели этим сказать?

– Спасибо за вопрос, – деликатно улыбнулся аспирант, – сначала хочу прокомментировать ваше высказывание по поводу автореферата. Я лично занимался рассылкой и пре-

красно помню, как отправлял вам автореферат. Может быть, у вас поменялся адрес?..

– Нет, адрес я пока, слава Аллаху, не поменял, – пробормотал пьяным языком Шайтанов, после чего привстал и, подняв указательный палец к небесам, добавил, изменив голос: «И не собираюсь!»

– Странно, может, тогда проблемы с почтой. Что касается вашего второго вопроса. Вы, вероятно, имеете в виду тезисы, выносимые на защиту?

– Они самые.

– Изучая нормы мусульманского права, я пришел к выводу, что оно в определенных аспектах даже в большей степени, чем действующее международное право, защищает права ребенка. Поэтому наработанные мусульманско-правовой доктриной механизмы защиты прав ребенка вполне могут быть использованы в современном международном праве, которое пока что является исключительно европоцентричным.

– То есть вы утверждаете, что международное право без мусульманского является неполноценным, – молниеносно пришел в возбуждение Шайтанов.

– Не совсем так, – несколько смутился диссертант, убоявшись такого серьезного обвинения, – я просто хотел сказать, что на то оно и международное право, что должно учитывать не только достижения европейской цивилизации, но и других, не менее великих цивилизаций.

– Пардон, – уже почти вскричал Шайтанов, – но что вы прикажете делать, если только европейская цивилизация смогла предложить человечеству адекватную универсальную систему международного права?

– Ну, насчет универсальности, как видно (в том числе и из моей работы), есть определенные сомнения.

– Какие сомнения? У кого? У вас? Или у бедуинов Аравийского полуострова?!

– Между прочим те самые бедуины, о которых вы только что сказали, смогли существенно обогатить такую отрасль современного международного права, как гуманитарное право, или право вооруженных конфликтов, – удивленный атакой Шайтанова, возразил диссертант. Теперь ему стоило опасаться не столько за судьбу бедуинов, сколько за свою собственную.

– Чем же это? – с гневом поинтересовался Шайтанов.

– В Коране еще в седьмом веке были сформулированы правила обращения с военнопленными. В то же время в Европе еще много столетий пленный не считался субъектом права, и с ним не обращались как с человеком.

– Где это? Покажите, пожалуйста, или приведите соответствующую суру! Ткните мне это место в Коране, – вскричал Шайтанов голосом человека, каждый день перед сном перечитывающего Коран.

– К сожалению, я не помню на память, но я могу посмотреть.

– Я, с вашего позволения, вмешаюсь, – вступил в диалог председатель-ветеран, – наша дискуссия немного вышла за рамки собственно предмета исследования. Все-таки у нас пока еще светский вуз, и в данном случае ссылки на Коран вместо закона будут несколько неуместны. Тем более что в работе диссертанта и без того много подобных ссылок.

– Ну, зачем же так, – проблеял никак до этого не заявлявший о себе старикашка с красным морщинистым лицом с расплзшимся в области лба большим коричневым

пятном в форме созвездия Ориона. – Все зависит от целей, которые ставит перед собой выступающий. Мне кажется, что молодой человек поставил перед собой вполне четкую цель: убедить нас в преимуществах одной из мировых религий, сиречь – ислама. Можно сказать, что это ему неплохо удается. Ха-ха!

– То есть вы хотите сказать, – на каменном лице председателя-ветерана появилась какая-то недоулыбка, – что он прибыл к нам как проповедник, или эмиссар?

– Или шахид, – раздалось со стороны Шайтанова.

Старикашка с красно-коричневым лицом, помнивший старинное слово «сиречь», а вслед за ним и весь совет пришли в восторг. Волны шепота стали проноситься одна за другой по залу, но диссертант, окаменевший в его дальнем углу, мог слышать только зловещее слово: «шахид».

– Ну, какой же он шахид, – с трудом избавившись от своей вымученной улыбки, произнес ветеран, понявший, что его шутка увела внимание совета не туда, – наш диссертант вполне, судя по внешнему виду, цивилизованный человек...

– А Бен Ладен, что же, по-вашему, не цивилизованный человек? – перебил его Шайтанов.

– Очень даже, – поспешил вставить красно-коричневый старикашка, – он очень удачно использует блага европейской цивилизации против нее же.

Все это время диссертант ни жив, ни мертв сидел за спиной ветерана-председателя. Вся его уверенность, все умные взрослые слова, которые он до этого вполне уместно, как ему казалось, использовал в своем выступлении, вдруг вылетели из его головы и сердца. Сравнение с коварным Бен Ладеном не только не льстило ему, но, напротив, звучало для него как приговор.

Он уже не помнил точно, как старик-ветеран сумел одним движением руки остановить оживший зал, как секретарь совета, похожий на внезапно разбуженного немолодого уже бобра, монотонным голосом огласил письменные отзывы и замечания ведущей организации, а также отзывы неофициальных оппонентов. Очнулся он лишь в середине речи второго оппонента, которому приходилось выступать и за себя и за первого оппонента, неявившегося по не очень уважительной причине. Он пытался объяснить профессорам, что мусульманское право вызывает интерес на Западе, – мол, там его сейчас активно изучают, пишут диссертации.

Но возбужденные ученые его не слушали: забыв про фрукты и конфеты, они что-то горячо обсуждали, ходили по залу, а над ними как шипящий воздушный змей, потевший управление, носилось ужасное слово: «шахид».

Диссертант вновь пришел в себя, когда потребовалось отвечать на замечания оппонентов. Это была одна из самых легких частей защиты – все замечания были известны заранее, поэтому диссертанту нужно было лишь спокойно и последовательно изложить подготовленные дома ответы.

Он говорил все так же спокойно, но уже не так уверенно, с трудом подбирая нужные умные слова. Не помогали даже лежавшие перед ним листки с тезисами ответов. Несколько раз диссертант сбивался, забывал закончить предложения.

Но даже если бы он в этот момент говорил связно и разумно, это ничего бы ровным счетом не изменило. Подобно Холстомеру, вспомнившему молодость, старики из совета только и ждали, чтобы по знаку председателя накинуться на аспиранта с вопросами.

- А вот у вас на странице шестнадцать диссертации...
- Вы утверждаете на странице девять автореферата...
- Цитирую ваше высказывание на странице сорок пять диссертации...
- На странице пятьдесят шесть диссертации вы пишете...

Каждый ответ диссертанта – удачный или не очень – порождал, подобно отсеченной драконовой голове, два новых – еще злее прежнего – вопроса. Сначала он прилежно пытался ответить на все вопросы, но вскоре обнаружил, что его давно никто не слушает. На вопросы одних пожилых профессоров с радостью отвечали другие, не менее пожилые профессора.

От дискуссии воздерживались лишь (в силу своего особого статуса) председатель-ветеран и дама, которой мешали отдаться науке ее ногти.

– А почему тогда в диссертации смешиваются понятия «мусульманское международное право» и «международное право»? – неистовствовал Шайтанов.

– А потому, что автор считает, что одно не исключает другого, – любезно отвечал за затаившегося диссертанта пятнистый старикашка.

– Но ведь это же...

– Вот именно!

– Хорошо, а что тогда имел в виду автор, когда писал о взаимопроникновении международного права и...

– Нет уж, позвольте, Борис Борисович.

– А вы, Александр Мартемьянович, не правы, ой как не правы!

Диссертант уже с трудом понимал, о чем спорят эти ученые мужи и для чего здесь находится он сам. Старик-ветеран молча наблюдал за происходившим, но вскоре не вынес одиночества и обратился к женщине, занимавшейся своими ногтями. Он многозначительно произнес нечто типа: «Однако» или «Вот так». В ответ женщина только покачала головой и криво улыбнулась председателю, что означало: «Да-да, мы-то с вами все это прекрасно понимаем».

Диссертант молча глядел на зал заседаний. Слово «шахид» не выходило у него из головы. Почему? Почему они назвали его шахидом?! Разве он действительно шахид? Что же теперь будет?..

До него едва доносились некоторые реплики профессоров – особенно с дальнего конца стола. Слов профессора Шайтанова и вовсе нельзя было разобрать. Выходивший пару раз в ходе заседания профессор пришел в окончательную негодность, так что произносимые им звуки не могли распознать даже сидевшие подле него друзья и коллеги.

Впрочем, один раз, когда диссертант очнулся на мгновение от своих беспомощных раздумий, ему показалось, что Шайтанов отчетливо произносил слово «шахид», после чего образовалась пауза, и все засмеялись – кто как мог. Даже ветеран-председатель, страдавший от того, что не мог принять участие в дискуссии, изобразил коварную полуулыбку, после чего произнес: «Да уж!»

Прошло еще некоторое время, и члены совета окончательно позабыли, что они ранее обсуждали, и перешли к воспоминаниям о своей молодости, когда они защищались, и о том, какие тогда были жесткие требования – не то что сейчас. Тогда просто так зеленым юнцом не сунешься. Подход был другой. Не было компьютеров, Интернета, жизнь была тяжелая, а какие работы писали. На века!..

Наконец старик-ветеран посчитал нужным закрыть дискуссию. Участиво поглядев на диссертанта, притихшего за его спиной, председатель уныло объявил заключительное слово, призвав аспиранта быть кратким (ветеран вспомнил, что обещал помочь своей любимой, но, увы, не очень способной внучке вечером с математикой).

Диссертант неуверенно направился к низенькой кафедре с гербом СССР. В руках у него был текст его выступления, написанный и много раз до полного запоминания прочитанный им накануне. Однако то ли от волнения, то ли по какой-то другой причине, он пренебрег заготовленным текстом и принялся говорить то, что сам от себя менее суток назад вряд ли мог ожидать.

Говорить об этом уверенно нам позволяет то обстоятельство, что, когда после смерти аспиранта были раскрыты все сопутствовавшие защите бумаги, выяснилось, что текст его выступления на бумаге не имел ничего общего с действительным выступлением диссертанта перед советом. Последнее же сохранилось благодаря записи, которую в соответствии с установленными правилами делала на диктофон секретарша... простите: секретарь диссертационных советов по юридическим наукам (не путать с ученым секретарем института!).

Учитывая, что это были последние публично произнесенные диссертантом при жизни слова, считаем своим долгом привести их здесь полностью:

«Уважаемый диссертационный совет! Уважаемый председатель!

Большое спасибо за то, что вы активно участвовали в обсуждении моей работы. Поверьте, мне сейчас не так просто говорить.

Наверное, будет правдой, если я скажу, что после сегодняшней защиты я чувствую себя другим человеком. Не знаю, лучше я стал или хуже. Не мне судить.

Но то, что я стал за эти два часа умнее – можете не сомневаться. Умнее не от умных советов, которых я, к сожалению, сегодня здесь не услышал. Умнее от того, что я здесь увидел.

Вы мне тут задавали много вопросов. А у меня к вам всем всего один вопрос: «Да что же я вам такого сделал, что вы на меня так набросились? Чем же я провинился перед вами, Борис Борисович? Или перед вами, Александр Мартемьянович? Почему вы назвали меня шахидом, как будто я и в самом деле кого-то убил? Если я кого и убил, так это себя самого, ежедневно уничтожая время своей молодости бесполезной работой над никому не нужной диссертацией.

Только что я услышал от вас о себе очень печальные и неприятные вещи, но разве то было почти два года назад, когда вы дружно под аплодисменты утвердили диссертацию моего научного руководителя Ивана Ивановича Бажбанова, которую я же и написал для него. Если бы вы внимательно присмотрелись к моей диссертации, то увидели бы, что она – всего лишь сокращенный вариант работы моего бездарного шефа...»

В зале задвигались стулья.

– Уважаемый диссертант! Говорите по существу, пожалуйста, – вмешался ветеран, почувствовав, что запахло жареным.

Женщина-профессорша оставила в покое ногти и в ужасе глядела то на диссертанта, то на председателя. Другие также находились в еще большем замешательстве.

– Да что же он такое говорит! – наконец закричал во всю глотку протрезвевший Шайтанов.

– Да, извините, я уже заканчиваю, – стараясь не смотреть на забурливший зал, отвечал аспирант. – Я просто хотел сказать вам, что вы уже присудили мне докторскую степень, и мне фиолетово, как вы проголосуете на этот раз. Спасибо...

В зале начался сущий переполох, как будто и в самом деле коварный шахид привел в действие свое взрывное устройство. Двое профессоров вскочили со своих мест, словно собираясь в тот же миг навалить зарвавшемуся диссертанту. Шайтанов, раскрасневшийся, тряс руками и брызгал слюной. Пятнистый старикашка что-то кричал. Даже женщина с ногтями пришла в негодование, еще сильнее, чем обычно, покачав головой и сказав: «Да уж! Вот!»

Единственным, кого происходившее в зале не привело в смущение, был ветеран-председатель. Со значительным видом восседавший в начале стола, он внимательно смотрел на захлебывавшийся ненавистью зал. За долгие годы председательствования в совете он впервые сталкивался с подобной ситуацией (а видел он многое: и слезы, и злость, и тоску, и безысходность). Но ему никогда не доводилось наблюдать столь вызывающего поведения – тем более от человека, которого он знал как робкого, без особых дарований студента, регулярно мешавшего ему вести семинары своим вечным насморком.

А насчет Ивана Ивановича. Неужели правда? Впрочем, вполне возможно. Слишком уж грамотная для его уровня работа. Вот это да! Вляпались! Теперь от ВАКа пощадь не жди. И ведь, как назло, он тогда был председателем совета. Ведь действительно пропустили. Без возражений! Сам ректор на защиту пришел. Они вроде спят вместе... Господи! Врагу не пожелаешь. Что же теперь делать?

Таким невеселым размышлениям предавался председатель совета в то время, как его коллеги ходили, кричали, жестикулировали, смеялись, доедали оставшиеся на столе фрукты. Не зря ветерана все считали крайние рассудительным человеком. Даже бездарная внучка – неразделенная любовь всех успешных созреть мальчиков класса.

А делать в такой ситуации нужно было одно: скорее выбирать счетную комиссию, что позволяло официально попросить диссертанта и всех присутствовавших в зале немногочисленных гостей – таких же будущих диссертантов – покинуть помещение на время голосования.

Когда же минут через десять из зала вышла секретарь совета – та, что по долгу службы записывала все происходившее на диктофон, выяснилось, что диссертант куда-то безвозвратно исчез. Но председатель, человек строгих порядков и старой закалки, ни в коем случае не намерен был отступить от «не нами» придуманных правил, как он сам любил выражаться, и заявил, что результаты голосования будут объявлены и при отсутствии виновника переполоха.

– Наверное, перенервничал, – как бы в оправданье себе на случай, если опять выйдет конфуз, как с Иваном Ивановичем, произнес ветеран.

– Совесть замучила хама! – прохрипел Шайтанов.

– Председателя счетной комиссии прошу объявить результаты голосования, – невозмутимо продолжил председатель.

Председателем счетной комиссии оказался пятнистый старикашка. Торжественно выждав момент, он провел ладонью по своей плешивой голове и начал дребезжащим голосом:

«Уважаемый совет! В соответствии с решением совета, был утвержден состав счетной комиссии в составе трех человек: председателя и двух членов.

На защите присутствовало пятнадцать человек из них докторов по специальности двое. Действительных бюллетеней пятнадцать. За – шесть человек, против – восемь. Воздержавшихся – один»...

– И поделом, – запечатал Шайтанов и, с шумом поднявшись со стула, покинул зал.

Вслед за ним, как по зову трубы, поспешили покинуть свои места и другие члены совета.

– Уважаемые профессора! Там в соседней аудитории вас ждет банкет, – крикнула растерявшаяся секретарша вослед стремительно удалявшимся членам совета.

– Да какой тут банкет, – махнул рукой пятнистый старикашка, а потом добавил: – Жалко все-таки парня. Вляпался дурак!

На банкет, кажется, и в самом деле никто не пошел, хотя точно ручаться за это нельзя. По крайней мере кто-то из студентов видел, как часу в восьмом из аудитории, где несчастным диссертантом были неуклюже нарезаны бутерброды, выходил совершенно невменяемый Шайтанов или человек, очень похожий на него.

Однако не лучше выглядел со стороны, наверное, и наш диссертант, когда он, не помня себя, вышел на улицу. Весенний московский день каким-то незаметным образом сменил свою нерастрченную жару на ветер, подувший, кажется, со всех сторон. На свою беду, диссертант был одет в расчете на жаркую погоду, и потому разгоряченное взволнованное тело его быстро стало добычей беспощадной прохлады.

До общежития он дошел уже совсем больным в девятом часу, когда студенты, закончив свой нехитрый ужин, только садились за домашнее задание, а по телевизору начиналась программа «Время», которую аспирант всегда смотрел, когда ужинал. Сгоравший от нетерпения комментатор прокричал очередную новость из «горячей точки»: «В Ираке шахид привел в действие взрывной механизм. По последним данным погибло пятнадцать человек»...

* * *

О смерти аспиранта стало известно самым неожиданным образом. Долгое время не объявлявшийся в общаге сосед несостоявшегося кандидата наук через два дня после описываемых событий поругался со своей девушкой и, решив проявить характер, вернулся из уютной московской квартиры в ненавистные ему казенные стены.

Поначалу, раскрыв дверь, он не придал значения сильному запаху, распространившемуся по комнате.

– Слава Богу, окно догадался открыть, – подумал он и грязно выругался в адрес развалившегося на кровати аспиранта. Его сосед не отличался чистоплотностью, особенно в последние месяцы, когда перед ним замаячила перспектива защиты. Кстати, как там у него все прошло?

Он окликнул лежавшего под толстым, не по сезону, одеялом соседа по имени, но тот не отозвался. Щелчок по носу также не подействовал. Только на третьей попыт-

ке разбудить аспиранта его сосед понял, что перед ним самый настоящий, безо всяких шуток, труп...

Иван Иванович был одним из последних, кто узнал о кончине аспиранта. Однажды, вернувшись после очередной командировки, он, попивая на кафедре свой любимый чай для особых случаев вместе со студентом-якутом из Белгорода, невзначай бросил секретарше: «Что-то мой горе-аспирант куда-то запропастился. Нагадил в душу и исчез. Отблагодарил за все хорошее, клеветник! Надо бы позвонить. Поговорить. Разуши-ка мне его телефончик...»

Секретарша, обычно всегда живо реагирующая на приказы своего беспокойного начальника, на этот раз подозрительно молчала.

– Иван Иванович, – наконец произнесла она, ища глазами поддержки у белгородского фаворита, – так ведь он... в некотором смысле... уже вроде как... и не существует больше.

– Да-да, – с готовностью подтвердил надменный студент из Белгорода. – Он однозначно уже неживой. Я сам некролог видел на центральном входе.

Иван Иванович не знал, что в таких случаях следует говорить.

– Д-да, – наконец протянул не то с сожалением, не то с досадой Иван Иванович. – А что случилось?

– То ли с сердцем что-то, то ли простудился, – хладнокровно отвечал студент из Белгорода. – Туда ему и дорога, неча на хороших людей клеветать!

– Ну, ты, это, Паша... не надо так. Умер все-таки. Да и не со зла он. Завидовал мне страшно – это правда. Ну, да кто теперь не без греха. Бог его и так наказал: вон, сколько черных шаров накидали, – благодаря добрым людям Ивану Ивановичу до мелочей было известно все, что происходило на совете. Что и говорить: аспирант подложил ему хорошую свинью, а потом и сам слепил коня (выражение «слепить коня» в годы комсомольской юности Ивана Ивановича имело по меньшей мере два значения: «обделаться» и «умереть»; в случае с аспирантом оба значения были вполне уместны).

– Доброе у вас сердце, Иван Иванович, – поправляя волосы, ответил надменный студент.

На этом интерес Ивана Ивановича к судьбе покойного иссяк. Задав пару вопросов и помолчав некоторое время, он решил, что сполна вернул свой долг покойному. Сострадание было ему чуждо, по крайней мере он старался не проявлять никаких его признаков в присутствии надменного студента из Белгорода. Когда белгородский якут ушел, Иван Иванович вновь вспомнил о своем несчастном аспиранте. Ему живо вспомнился покойный, каким он увидел его впервые: с грязными черными волосами, в дешевой, давно нестираной толстовке и брюках без стрелок, ботинках со шнурками без металлических наконечников.

– Надо бы его родителям позвонить, успокоить, – подумал Иван Иванович, но очередной звонок начальства направил мысли заведующего кафедрой прав ребенка в совершенно иное русло. Правда, на этот раз ему было не до смеха. Ректор, отбросив шутиливый тон, приказал ему немедленно явиться.

Опасения председателя-ветерана были не напрасны. Среди присутствовавших на защите профессоров оказались недоброжелатели Ивана Ивановича, которые взяли

на заметку фразу о том, кто является подлинным автором докторской диссертации по правам ребенка в мусульманском праве. Ивану Ивановичу грозил вызов в ВАК на беседу с так называемым «черным оппонентом».

Ректор немного пожурил своего протеже, после чего приказал ему ничего и никого не бояться.

– Возьми все документы, включая диплом доктора наук, и ступай к ним. Я что-нибудь придумаю!

Иван Иванович виновато улыбнулся и поцеловал руку своего руководителя.

Через несколько дней на кафедру прав ребенка и в самом деле пришло приглашение.

Однако, к большому удивлению Ивана Ивановича, его «черный человек», как в научном мире за глаза называли «черных оппонентов», оказался добрейшим существом. Он не только не задал ни одного «ненужного» вопроса, но еще и угостил Ивана Ивановича чаем с пирожками. Пирожки Иван Иванович любил. Особенно на пару с хорошим человеком. А хороших людей в его жизни попадалось немало. Разве что этот аспирант. Ну да ладно! Первый блин всегда комом.

На прощание «черный оппонент» попросил передать сердечный привет ректору...

Счастливый Иван Иванович бодро выбежал на улицу. Первым делом набрал номер начальства. Потом студента из Белгорода. Передавая в подробностях свою беседу с «черным оппонентом», Иван Иванович так увлекся, что не заметил, как забрел в какое-то незнакомое место. Было уже темно, и Иван Иванович, окончив разговор, решил, что самое время ловить машину и поскорее выбираться отсюда в людные места. Благополучный исход встречи в ВАКе следовало вспрыснуть.

И только он подумал об этом, как тотчас же почувствовал, что кто-то сзади ухватился за его портфель, в котором были документы, взятые для беседы с «черным оппонентом». Иван Иванович не считал себя трусливым человеком и потому сразу же обернулся, намереваясь дать в случае чего в морду обнаглевшему грабителю.

Перед ним стоял какой-то человек в грязной толстовке и мятых брюках. Иван Иванович немедленно узнал его. Это был его бывший аспирант. Бледный и безмолвный, он крепко вцепился в портфель Ивана Ивановича.

– Ты это... чего... портфель-то отпусти, а?! – вместо того, чтобы дать наглецу в морду умоляюще пролепетал Иван Иванович.

К совершенному ужасу Ивана Ивановича, мертвец злорадно усмехнулся и со всей дури влепил ему сочную пощечину. Вслед за тем последовали немилосердные удары в живот и в пах. Не выпуская из рук портфеля, Иван Иванович рухнул на колени.

– Ага! Поделом тебе! Будешь знать, как присваивать чужой труд, скотина! Отдавай то, что принадлежит тебе не по праву. Не смог меня на защите отстоять, так отдавай свой диплом, доктор херов, – с этими словами мертвец огрел Ивана Ивановича чем-то тяжелым по голове...

Иван Иванович, как ему потом казалось, очень быстро пришел в себя, но, оглядевшись по сторонам, не увидел ни портфеля, ни бесчеловечно жестокого мертвеца.

– Может, глюк? – подумал он, но сразу же спохватился: в таком случае, где же портфель?

Слава Богу, мобильник не забрал. Иван Иванович набрал номер студента.

– Бери машину и дуй ко мне. Со мной тут какая-то фигня происходит. Быстро!

– Куда ехать-то? – испугался студент из Белгорода, принимавший в тот момент ванну у Ивана Ивановича дома.

– А хрен его знает...

Низкорослый надменный студент-якут из Белгорода был единственным, кому Иван Иванович поведал о своем приключении с мертвым аспирантом. Укрывшись в объятиях своего возлюбленного, Иван Иванович всю ночь проплакал и наутро выглядел, откровенно говоря, прескверно. Что и говорить: в сорок лет нельзя позволять себе плакать всю ночь.

Через несколько дней он после некоторых колебаний написал заявление в ВАК об утрате диплома. Иван Иванович больше не чувствовал радости от того, что он Doktor Yuridicheskikh Nauk. Напротив, он даже стал тяготиться своей ученой степенью, повисшей на нем наподобие оранжевой нитки, которая портила вид любой одежды, но от которой теперь уже ни за что нельзя было избавиться, и сообщал о том, что он доктор только тем, кто его об этом напрямую спрашивал.

Окружающие заметили и некоторые другие перемены, случившиеся с Иваном Ивановичем. Секретарь кафедры не без удовольствия отметила, что ее начальник больше не кричит на нее и чаще стал употреблять слова «вы» и «пожалуйста», когда обращался к ней. Об аспирантах Иван Иванович больше и слышать не хотел, а если ему звонило на мобильный начальство, смеялся, но уже не так громко и заразительно, как прежде.